

Персидский «след» в прозе И.А. Бунина: «Тень Птицы» (источниковедческий аспект)

© 2025, А.В. Бакунцев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Автор сердечно благодарит за оказанную помощь сотрудников Российской государственной библиотеки, Российской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Государственной публичной исторической библиотеки России, а также С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН).

Аннотация: В статье проблема персидского «следа» в прозе И.А. Бунина рассматривается с источниковедческой точки зрения на примере путевого очерка «Тень Птицы» (1907). Под персидским «следом» подразумеваются реминисценции из произведений персидских поэтов Саади и Бахаи и историка персидской литературы Девлет-шаха (последний посвятил Саади главу в своем трактате «Тезкират-ошшоара» — «Жизнеописание поэтов», 1487). Основные выводы: 1) непосредственным источником реминисценций из произведений Саади и Девлет-шаха в «Тени Птицы» является монография русского востоковеда И.Н. Холмогорова «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» (Казань, 1867); 2) «персидское двустиишие», которое в очерке Бунина приведено без указания автора — как реплика турецкого султана Мехмеда (Магомета) II при виде руин императорского дворца в захваченном Константинополе (1453) — и которое в действительности принадлежит Бахаи, скорее всего, было заимствовано из книги «Завоевание Константинополя (Царьграда) Магомедом Вторым» (СПб., 1899), представляющей собой извлечение из труда Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788); 3) легенда, связанная с этим двустиишием и также приведенная в «Тени Птицы», восходит предположительно к «Истории роста и упадка Оттоманской империи» Д.К. Кантемира (1716).

Ключевые слова: И.А. Бунин, Саади, Девлет-шах, Бахаи, И.Н. Холмогоров, проза, «Тень Птицы», «круг чтения», источниковедение.

Информация об авторах: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт миро-

вой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

Для цитирования: Бакунцев А.В. Персидский «след» в прозе И.А. Бунина: «Тень Птицы» (источниковедческий аспект) // Литературный факт. 2025. № 3 (37). С. 234–259. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-234-259>

Путевой очерк¹ «Тень Птицы» (1907) — несомненно, одно из наиболее изучаемых прозаических произведений И.А. Бунина на восточную тему. Правда, интерес исследователей к этому очерку до недавнего времени носил сравнительно узкий характер — в том смысле, что в научной литературе «Тень Птицы» рассматривалась преимущественно с точки зрения поэтики и истории литературы. Лишь в последние годы стали появляться работы, посвященные текстологии бунинского очерка и связанным с ним источниковедческим проблемам. Одна из них обозначена в заглавии нашей статьи, где под персидским «следом»² подразумеваются реминисценции из произведений трех персидских авторов — поэтов Саади и Бахаи и историка персидской литературы Девлет-шаха.

Почти три года назад нами было установлено [3, с. 175], что в пору создания «Тени Птицы» едва ли не главной «настойной книгой» для Бунина была монография выдающегося русского востоковеда Ивана Николаевича Холмогорова (1819–1891) «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» (Казань, 1867) [20]³. Мы полагаем, что именно из этой книги Бунин почерпнул основные сведения о личности и творчестве одного из крупнейших персидских поэтов.

Монография И.Н. Холмогорова оказалась ценнейшей находкой для буниноведения: на многое в тексте очерка она позволила взглянуть по-новому, многое прояснила — в том числе в плане поэтики (см.: [3, с. 186–187; 22, с. 115–119; 23, с. 171–172]). Вместе с тем на ряд вопросов, связанных с персидским «следом» в «Тени Птицы», книга Холмогорова ответов не дала, поэтому наши источниковедческие разыскания были продолжены.

¹ Сам Бунин с 1915 г. определял это и другие произведения, составившие книгу «Храм Солнца» / «Тень Птицы», как «путевые поэмы» [9, с. 100]. О причинах двух вариантов заглавия бунинской книги см.: [17].

² Это словосочетание образовано по аналогии с выражением Р.М. Сафиулиной «“след” Саади» [19, с. 165], которое было использовано в заглавии одной из наших статей [4].

³ В 1865 г. И.Н. Холмогоров защитил эту работу в Казанском Императорском университете как магистерскую диссертацию.

Их результат — собранный нами и представленный в данной статье материал — в перспективе может стать основой для историко-литературного комментария к «Тени Птицы» в составе бунинского Полного собрания сочинений и писем, работа над которым уже началась.

«Под тенью Хумая»

Очерк «Тень Птицы» Бунин написал в декабре 1907 г. [16, с. 712]. В 1908–1914 гг. очерк печатался как отдельное, самостоятельное произведение — в первом сборнике «Земля» (М., 1908), в пятом томе Собрания сочинений, изданного товариществом «Знание» (СПб., 1909), в авторском сборнике «Золотое дно: Рассказы 1903–1907 гг.» (М., 1914); в 1915–1936 гг. — в составе книги «Храм Солнца» / «Тень Птицы»: в четвертом томе Полного собрания сочинений (Пг., 1915), в сборниках «Храм Солнца» (Пг., 1917) и «Тень Птицы» (Париж, 1931), в первом томе Собрания сочинений, выпущенного издательством «Петрополис» (Берлин, 1936)⁴.

В «Тени Птицы», как и в других очерках (или «поэмах»), составивших книгу «Храм Солнца» / «Тень Птицы», отразились бунинские впечатления от поездок на Ближний Восток в 1903 и 1907 гг. Исследователи (К.В. Анисимов, Е.Р. Пономарев, М.С. Щавлинский) не без основания видят в этом произведении признаки путевого очерка, травелога. В то же время М.С. Щавлинский, сопоставляя «Тень Птицы» с путеводителями, которыми Бунин пользовался в своих поездках, и с путевыми очерками его предшественников и современников — П. Лоти, А.М. Федорова, П.А. Нилуса, С.С. Кондурушкина, Д.Л. Мордовцева, С. Глаголя (С.С. Голоушева), С.Я. Елпатьевского [22, с. 89–271], указывает на то, что Бунин в «Тени Птицы» одновременно и следует «законам жанров» путеводителя и травелога, и сопротивляется их «нарративу». По мнению исследователя, одним из способов такого «сопротивления» становится введение в текст «Тени Птицы» «дополнительных источников, которые демонстрируют эрудицию автора за пределами путеводителя или создают отдельный повествовательный троп» [22, с. 115]. Среди подобных «дополнительных источников» М.С. Щавлинский называет Коран, «Скорбные элегии» Овидия и магистерскую диссертацию (фактически монографию) И.Н. Холмогорова, о которой было сказано выше [22, с. 115].

⁴ См.: [7; 6, с. 129–175; 5, с. 97–140; 9, с. 100–129; 11, с. 39–71; 8, с. 5–47; 10, с. 171–200].

Признавая в целом обоснованность суждений М.С. Щавлинского, мы тем не менее считаем, что бунинское обращение к личности и творчеству Саади (псевд., наст. имя Муслих ад-Дин Абу Мухаммад Абдаллах ибн Мушриф ибн Муслих ибн Мушриф, между 1203 и 1210–1292) как одно из средств «сопротивления нарративу путеводителя» заключает в себе парадокс: по существу, в «Тени Птицы» одна экзотическая (смешанная византийско-турецкая) культура оценивается автором через другую, столь же экзотическую (средневековую персидскую) культуру. Как верно отмечает М.С. Щавлинский, Бунин «в Константинополе начинает смотреть на происходящее вокруг глазами Саади и вторить ему» [22, с. 116]⁵, но именно это и парадоксально: в начале XX в. русский писатель смотрит на современный ему турецкий город, который до середины XV в. был столицей Восточной Римской империи, глазами персидского поэта, жившего в XIII в. и при этом никогда не видевшего Константинополь ни в его византийский (христианский), ни тем более турецкий (мусульманский) период⁶. Строго говоря, Саади и Константинополь-Стамбул «роднят» только два фактора — общность вероисповедания (ислам) и дервишеская культура. Саади, как известно, был дервишем, шейхом, — и в Константинополе, после его захвата османами, обосновались представители двух дервишеских братств — кружащиеся (танцующие) и воюющие (ревущие) дервиши, которые со временем стали считаться таким же «атрибутом» Константинополя, как Голубая мечеть и Айя-София. Обряды-представления тех и других, как правило, упоминались в путеводителях и во многих травелогах⁷. В бунинской «Тени Птицы» тоже есть строки, посвященные кружащимся дервишам: писатель говорит о них и от своего лица, на основе собственных впечатлений, и как бы от лица Саади — выдержками (большей частью переработанными) из монографии И.Н. Холмогорова.

⁵ Примерно ту же мысль высказывает в своей статье К.С. Романова, утверждающая, что автор (он же герой-повествователь) «Тени Птицы» ведет с персидским поэтом (непрекращающийся диалог, и создается впечатление, что фигура Саади постоянно незримо присутствует за кадром, а потому его точка зрения имплицитно выражена в тексте» [18, с. 99].

⁶ Правда, французская поэтесса графиня А. де Ноай в предисловии к книге «Розовый сад» (*Le Jardin des roses*, 1923) в числе городов, которые посетил во время своих скитаний Саади, называет Стамбул (см.: *Saâdi. Le Jardin des roses / traduit du persan par F. Toussaint; préface de la comtesse de Noailles. Paris: Stock, 1923. P. 14*). Однако это фактическая ошибка.

⁷ Ряд подобного рода изданий рассмотрен в кандидатской диссертации М.С. Щавлинского [22, с. 89–269]. К их перечню мы добавили бы еще несколько позиций: «Воспоминания о Востоке» Г. Корниля (М., 1837), «Путеводитель Константинополя» иеромонаха Антония (Константинополь, 1883), «Константинополь, его окрестности и Принцевы острова» С.Н. Филиппова (М., 1893), «Константинополь» Ф.-М. Крауфорда (СПб., 1899), «Constantinople» Т. Готье (Paris, 1853) и др.

В свете сказанного можно лишь отчасти согласиться с утверждением М.С. Щавлинского, что в «Тени Птицы» «цитаты “из Саади” дают историческую и художественную глубину» [22, с. 115]. Как мы видели, в силу очевидной анахроничности проводимых Буниным параллелей, говорить об *исторической* глубине в «Тени Птицы» — во всяком случае, благодаря «цитатам “из Саади”» — не приходится. Вместе с тем мы вынуждены признать, что не только эти цитаты (при весьма разной степени их достоверности), но и вообще весь комплекс заимствованных из книги И.Н. Холмогорова образов, мотивов и суждений играют в очерке едва ли не ключевую роль: они являются его смысловым «каркасом», придают ему особое мифопоэтическое звучание и ту самую «художественную глубину», которые, собственно, и выделяют «Тень Птицы» в общем ряду путеводителей и травелогов конца XIX – начала XX в. — именно как *путевую поэму*.

Вместе с тем, как нам кажется, более или менее сознательное смещение в тексте «Тени Птицы» элементов персидской, турецкой, арабской культур позволило Бунину создать целостный, концентрированный образ мусульманской части Ближнего Востока — благословенного края, на который, по мнению писателя (или его героя-повествователя), и пала тень волшебной птицы Хумай⁸. С этой точки зрения Константинополь предстает в очерке-поэме и как реальный город⁹ — столица Османской империи, объединявшей под своей властью множество разноразличных культур, народов, земель, — и как своего рода метонимия Востока, как «врата» в него (ведь бунинское путешествие в Святую Землю, которая в то время тоже была частью Османской империи, начиналось именно с Константинополя), а «ключом» к этим «вратам» для писателя наряду с Кораном стала мудрость шейха Саади¹⁰, с большим вкусом, тактом и научной обстоятельностью явленная в монографии И.Н. Холмогорова.

Не исключено, что бунинское знакомство с личностью и творчеством Саади началось именно с этой книги, а вовсе не с «Гюлистана», будто бы подаренного писателю еще в юности неким

⁸ Несколько иную, более узкую трактовку бунинской мысли, выраженной в «Тени Птицы», см.: [22, с. 118; 23, с. 172]. О месте и значении птицы Хумай (Хома) в персидской мифологии, поэзии и философии см.: [23, с. 160–170]. Вне всякого сомнения, о Хумае Бунин мог узнать только из монографии И.Н. Холмогорова, и поэтому прав М.С. Щавлинский, когда говорит, что ей писатель был «обязан» и заглавием своего очерка [22, с. 118].

⁹ За свою жизнь Бунин посетил Константинополь 13 раз, очень любил и знал досконально этот город. Только в последний приезд писателя в феврале 1920 г., уже в качестве изгнанника и беженца, транзитом на Балканы, Константинополь вызвал в нем тягостное чувство, причины которого раскрыты в бунинских очерках «Третий Толстой» (1949) и «Гегель, фрак, метель» (1950).

¹⁰ Схожую мысль в своей диссертации высказывает М.С. Щавлинский: он пишет, что для Бунина Саади «мог быть <...> ключом к пониманию Востока» [22, с. 118].

московским «горбатым стариком-букинистом»¹¹. И вполне возможно, что в бунинский «круг чтения» она попала благодаря одесскому поэту, прозаику, драматургу Александру Митрофановичу Федорову (1868–1949). Такой вывод мы сделали на основании нижеследующих фактов.

26 апреля 1905 г. А.М. Федоров писал Бунину, находившемуся в то время в Ялте: «Посылаю тебе стихотвор<ение>, мотив которого взят мною отчасти у Саади Ширазского* из его “Бустана” (Фруктовый сад). Прочти его Горькому. Если оно и тебе, и ему понравится, — включите его в книгу мою»; в сноске (*) сказано: «Я подарю тебе его книгу, когда ты приедешь» (цит. по: [16, с. 566]). Поскольку Федоров, как и Бунин, персидским языком не владел, под книгой, которую он обещал подарить Бунину, очевидно, могло подразумеваться только какое-то переводное издание «Бустана» или «Гюлистана». Но, скорее всего, речь в процитированном письме шла не о книге Саади как таковой, а именно о монографии И.Н. Холмогорова. На это указывает текст федоровского стихотворения «Мотив Саади» (1905), о котором также говорится в письме и которое было напечатано в авторском сборнике Федорова «Стихи» (СПб., 1908): состоящее из двух частей, оно представляет собой парафраз трех фрагментов «Бустана» (соответственно из его четвертой, шестой и первой глав)¹², заимствованных, несомненно, — как и в случае с бунинским «Черепом» (1907)¹³ — из монографии И.Н. Холмогорова.

«В пути со мною Тезкират Саади...»

В «Тени Птицы» книга И.Н. Холмогорова названа тремя разными, притом «чужими», «именами»: «Тезкиратом», «поэмой жизни» и «Диваном» Саади [7, с. 233–234, 267], что следует объяснять, очевидно, не столько недобросовестностью автора, сколько художественными задачами, которые он ставил перед собой. Можно с уверенностью сказать, что если бы Бунин не скрыл подлинное «имя» основного источника своих многочисленных цитаций, то из «Тени

¹¹ Бунин Ив. Записи // Последние новости. Париж, 1932. 10 июля. № 4127. С. 2. Достоверность этой истории, повторенной писателем в «Автобиографических заметках» (1935) [10, с. 35], мы подвергали сомнению ранее [3, с. 172]. Столь же маловероятным нам представляется утверждение В.Н. Муромцевой-Буниной, что, отправляясь в 1903 г. в свое первое путешествие в Константинополь, Бунин «взял с собой книгу персидского поэта Саади “Тезкират”» (Муромцева-Булнина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. С. 226), поскольку такой книги у Саади нет (см.: [3, с. 173–175]).

¹² См.: Федоров А. Стихи. [СПб.]: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 175–176.

¹³ См. о нем: [4, с. 247–251]. Между прочим, вторая часть федоровского «Мотива Саади» по содержанию частично совпадает с бунинским «Черепом».

Птицы» не получилось бы путевой *поэмы* — это был бы, скорее, реферат, т. е. не художественное, а в лучшем случае публицистическое произведение¹⁴. Соответственно и та неповторимая, торжественно-радостная, местами стилизованная в восточном духе интонация, которой пронизан бунинский текст, была бы неизбежно утрачена. Наконец, и с лингво-эстетической точки зрения в путевой поэме о Константинополе слова «монография (или книга) Холмогорова» смотрелись бы куда менее органично, чем экзотизмы «тезкират» и «диван».

Кстати, при чтении «Тени Птицы» невольно возникает мысль, что Бунин смешивает или путает эти понятия: вначале он пишет о «Тезкирате Саади», затем, через 30 с лишним страниц, упоминает «Диван»¹⁵. Действительно, слова «тезкират» и «диван» имеют совершенно разные значения: первое переводится с фарси как «жизнеописание», второе — как «сборник». Бунин, несомненно, знал об этой разнице и в тексте своего очерка (по крайней мере, до 1915 г.) имплицитно, хотя и не очень последовательно, разграничивал «тезкират» и «диван», в том числе на уровне реминисценций. Так, десять выписок из мифического «Тезкирата Саади» и стоящая в одном ряду с ними характеристика персидского поэта — в самом начале «Тени Птицы» [7, с. 233–234] — имеют эквиваленты в первом, биографическом разделе холмогоровской монографии [20, с. 1–63]. Этот раздел, помимо исследовательской части, содержит (разумеется, в переводе на русский язык) главу о Саади из трактата историка персидской литературы Девлет-шаха¹⁶ ибн Ала-эд-девле Бехтишаха Эль-гази эс-Самарканди (около 1437–1495) «Тезкират-ошшоара» («Жизнеописание поэтов», 1487). Среди остальных восьми «цитат “из Саади”» [7, с. 252, 267, 272] только одна отмечена как заимствованная из «Дивана» [7, с. 267]. Тем не менее все они приводятся по второму разделу монографии [20, с. 64–148], который представляет собой подробный обзор произведений, действительно составляющих «Диван» Саади, с многочисленными и порой весьма обширными выдержками на рус-

¹⁴ Впрочем, дореволюционная редакция очерка как раз отличается ярко выраженной, местами даже как будто демонстративной публицистичностью: это касается прежде всего пассажей о чувстве любви к родине, о турецком султанине, о «великом космополитическом царстве будущего». В эмиграции, под влиянием новых условий жизни и нового взгляда на недавнее прошлое, Бунин свой текст от этой публицистичности в значительной степени очистил. Подробнее о текстологии «Тени Птицы» см.: [1; 2; 21; 22, с. 26–50].

¹⁵ Готовя «Тень Птицы» для четвертого тома Полного собрания сочинений, Бунин снял упоминание о «Диване» (см.: [9, с. 126]), и в последующих публикациях очерка оно также отсутствует.

¹⁶ И.Н. Холмогоров в своей монографии транскрибирует его имя несколько иначе — Доулет-шах [20, с. 12, 30].

ском, персидском и арабском языках¹⁷. Впрочем, такие же выдержки имеются и в первом (биографическом) разделе.

Работая с книгой И.Н. Холмогорова, Бунин, как обычно, следовал только собственному авторскому замыслу, мало заботясь об этике цитирования. Отчасти именно поэтому среди реминисценций из холмогоровского труда в тексте «Тени Птицы» наряду с более или менее точными прямыми и косвенными цитатами встречаются (при этом явно преобладая) парафразы, контаминации, случаи стилизации и монтажа.

Ниже в виде сопоставительной таблицы — для большей наглядности и экономии места — приведен полный свод реминисценций из книги И.Н. Холмогорова¹⁸ и соответствующих фрагментов оригинального текста; последние снабжены ссылками на первоисточники — в помощь будущим комментаторам «Тени Птицы».

И.А. Бунин, «Тень Птицы» (1907) ¹⁹	И.Н. Холмогоров, «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» (1867)
В пути со мною <...> Тезкират Саади, «усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Саади Ширазскаго, да будет священна память его!» [7, с. 233]	Биография усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Мослихуддина Саади Ширазскаго (да будет священна его могила)! [20, с. 12] (Первоисточник: «Тезкират-ошшоара».) ²⁰
— Рождение шейха, — читаю я, — последовало во дни Атабека Саади ²¹ , сына Зенги [7, с. 234].	Рождение шейха последовало во дни Атабека Саада, сына Зенги [20, с. 12]. (Первоисточник: «Тезкират-ошшоара».)

¹⁷ В поэтическом наследии Саади есть целый ряд написанных по-арабски и смешанных, персидско-арабских касид — лирических стихотворений широкой тематики.

¹⁸ Некоторые из них ранее уже были рассмотрены с источниковедческой точки зрения в исследовательской литературе [3, с. 186–187; 22, с. 115–119; 23, с. 171–172].

¹⁹ Цитаты из «Тени Птицы» приводятся по тексту первой публикации.

²⁰ В диссертации М.С. Щавлинского авторство фрагментов из «Тезкират-ошшоара» Девлет-шаха ошибочно приписано И.Н. Холмогорову [22, с. 116, 117].

²¹ Эта ошибка или опечатка в имени атабека Музаффараддина Саада ибн Занги — правителя Фарса — повторяется во всех последующих публикациях бунинского очерка.

— Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний, тридцать — на странствования и тридцать — на размышления, созерцание и творчество. — Сев на ковре богопочитания, на пути людей Божьей дороги, за каждое свое дыхание рассеивал Саади по жемчужине очаровательнейших газелей — и бесплотные на небесах, слушая его, говорили, что один бейт Саади равняется годичному славословию ангелов [7, с. 234].	Он жил 102 года: тридцать лет употребил на приобретение знаний, тридцать посвятил на странствование, обозрев все четыре части обитаемого света, а тридцать лет остальных, севши на ковре богопочтения, избрал для себя путь «людей божией дороги». <...> Говорят, в Ширазе один из добродетельных и набожных горожан видел сон, будто на небесах поднялись шум и смятение: несколько бесплотных тихо говорят между собой, и когда богомолец прислушался к их речам, то явственно расслушал следующее: один <i>бейт</i> (двустигшие) Саади ширазского равняется годичному славословию и песням целого сонма ангелов! <...> Саади за каждое свое дыхание рассеивает по поверхности земли, как утро, жемчужины очаровательных стихов <...> [20, с. 12–22]. (Первоисточник: «Тезкират-ошшоара».)
— И так протекли дни Саади в богоспасаемом городе Ширазе, пока не воспарил феникс чистого духа шейха на небо — в пятницу в месяце Шеввале, когда погрузился он, как водолаз, в пучину милосердия Божия [7, с. 234].	Смерть шейха воспоследовала в богоспасаемом городе Ширазе, во дни Атабека Мухаммеда сына Сонгор-шаха Зенги. Азизи в следующих словах выразил эру кончины великого мужа: // Феникс чистого духа шейха Саади, предавшись воле Божией, воспарил на небо. В месяце шеввале, в пятницу, он погрузился, как водолаз, в пучину милосердия Господня [20, с. 27]. (Первоисточник: «Тезкират-ошшоара».)

— Как прекрасна жизнь завоевавшего землю мечом красноречия! [7, с. 234].	Саади, ты завоевал землю лезвием красноречия: благодари же Бога — это ничто другое, как милость Неба [20, с. 1]. (Первоисточник: неозаглавленная касыда Саади о краткости земного существования²².)
— Как прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себе чекан души своей и обозреть красоту мира!.. [7, с. 234]	<...> тридцать посвятил на странствование, обозрев все четыре части обитаемого света <...> Как прекрасна жизнь, проведенная таким образом!.. [20, с. 12] (Первоисточник: «Тезкират-ошшоара».) Цель моя — оставить по себе памятник (собств<енно> чекан, рисунок), потому что существование человека не вечно: может статься, какой-нибудь добрый человек хоть однажды, по своему состраданию, произнесет молитву за (нас) дервишей! [20, с. 3] (Первоисточник: «Гюлистан», предисловие.)
— Много странствовал я в дальних краях земли! — звучит в моих ушах. — Я коротал дни с людьми всех народов и срывал по колоску каждой нивы [7, с. 234].	Много странствовал я в дальних краях мира; я коротал дни с людьми разного рода, наслаждаясь каждым уголком и срывая по колоску с каждой нивы [20, с. 13, 31]. (Первоисточник: «Бустан», предисловие; процитировано в «Тезкират-ошшоара» и в собственном тексте И.Н. Холмогорова.)

²² В переводе Ф.Е. Корша эквивалентные строки этой касыды (она начинается словами: «Приятна жизнь, но близко ей — // Увы! — предел положен...») имеют следующий вид: «О Саади, тебе сердца // Стяжал твой меч словесный; // Благодарю за то Творца: // Успех есть дар небесный» (Персидские лирики X–XV вв. / пер. с перс. Ф. Корша; вступ. ст. А. Крымского. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. С. 45).

— Ибо лучше ходить босиком, чем в узких башмаках, лучше терпеть все невзгоды пути, чем сидеть дома! [7, с. 234].	Доброжелательная супруга успокоит сердце мужа, но оборони Господи от злой жены <...>. Тогда ступай и бродяжничай по свету, а не то оставайся дома с отчаянием в сердце; но лучше ходить босиком, чем в узких башмаках, лучше терпеть все невзгоды путешествия, чем беспрестанно воевать дома <...> [20, с. 35]. (Первоисточник: «Бустан», глава 7, предложение о женах.)
— Ибо на каждую новую весну нужно выбирать и какую-нибудь новую любовь: друг, прошлогодний календарь не годится для нового года! [7, с. 234]	Друг, запасайся на каждую новую весну и новой женой; потому что прошлогодний календарь не годится для нового года! [20, с. 37] (Первоисточник: «Бустан», глава 7, предложение о женах.)
Ковыляют на французских каблучках две толстеньких турчанки <...>. Но приподнялось, как будто случайно, покрывало — и я убеждаюсь, что прав Саади: — Не всякая раковина беременна жемчугом! [7, с. 252]	Не всякая раковина беременна жемчугом, не всегда ловкий стрелок ударит в цель [20, с. 122]. (Первоисточник: «Бустан», глава 5, притча о коршуне и ястребе.)
Кто знает, что такое птица Хумай? Никто. Но о ней говорит Саади в своем «Диване»: — Нет жаждущих приюта под тенью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете! И комментаторы Саади поясняют, что это — легендарная птица и что тень ее приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие [7, с. 267].	Никто не захочет приютиться под тень совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете [20, с. 72]²³. (Первоисточник: «Гюлистан», глава 1, рассказ 3.) Тень птицы Хумай приносит тому, на кого упадет, достоинство падишаха. Отсюда <...> августейший [20, с. 72, примеч.].

²³ В подлиннике это рифмованное двустушие — байт.

И голова мутилась — приближалось сладострастное «исчезновение в Боге и вечности»... [7, с. 271]	Таким образом, мистик, сливаясь в одно с своей подругой <Верховным Существом> <...>, уничтожается в <...> исчезновении и составляет одно с божеством <...> [20, с. 8]²⁴.
Этот вихрь вокруг шейха зародился там, — у истоков человечества, в мистериях индусов, в таинствах огнепоклонников, в «расплавке» и «опьянении» суфийства с его мистическим языком, в котором под вином и любовью разумелось упоение Божеством, и с его «Рубищем» — символом отрешения от видимого мира. От древнейших хороводов, знаменовавших сперва вихрь планет вокруг солнца, а потом вихрь миров вокруг Творца, идут и вихри дервишей. От экстаза «отрешения» суфи идет экстаз, которому предаются Ревущие и Кружащиеся дервиши и доньне [7, с. 271].	Эти «суфи» <...> облакаясь в свое <...> <i>рубище</i>, облачают и свои фразы в таинственный язык <...>. Чаще всего встречаем здесь термины, выражающие пьянство и беспутство в разных видах, пребывание в трактирах и винных погребах <...>. Постоянный восторг созерцателя называется <...> «горение» и «расплавка» <...> Страннее всего то, что самые непристойные в глазах мусульманина выражения освящаются суфийством как высшие проявления духовной жизни: положение пьяного <...> означает упоение божественной любовью, стакан <...> изображает чашу вечной любви, трактир <...> представляет исчезновение <...> человеческого достоинства в слиянии с божеством. Танец мистиков означает вращение небесных сфер вокруг престола высшего существа <...>; идолопоклонство <...>, огнепоклонство <...>, неверие <...> и бесчинство <...> выражают чистейшую нравственность [20, с. 6–8].

²⁴ См. также слова из цитируемой И.Н. Холмогоровым газели Хафиза: «Тот не берет ни одного зерна с нивы бытия, кто не посеял зерна на пути исчезновения (в Боге), на пути к истине» [20, с. 11].

— Ты, который некогда пройдешь по могиле поэта, вспомни поэта добрым словом! — Он отдал сердце земле, хотя и кружился по свету, как ветер, — как ветер, который, после смерти поэта, разнес по вселенной благоухание цветника его сердца [7, с. 272].	Ты, который некогда пройдешь по нашему праху, заклиная тебя прахом святых мужей, помани меня добрым словом! <...> Он, в своем жалком положении, отдал свое тело земле, хотя и кружился по свету, как ветер. В скором времени поэта пожрет земля, и ветер опять разнесет по миру прах его: но посмотри, однако, с той поры, как расцвел цветник мысли, ни один соловей не пел в нем так сладко (как Саади) <...> [20, с. 120]²⁵. (Первоисточник: «Бустан», глава 4, заключительные бейты.)
— Ибо он всходил на башни Маана, Созерцания, и слышал Симаа, Музыку Мира, влекущую в халет — веселие [7, с. 272].	Брат мой, я не говорю о том, что такое «<i>симда</i>» танец, дозволен он или нет, — я не знаю даже, как назвать слушателя подобной музыки: любовником или человеком беспутным <...>. Если с башни <i>маана</i> внутреннего ведения <...> парит его птица, то самому ангелу не уследить за ее полетом <...> [20, с. 103–104]. (Первоисточник: «Бустан», глава 3.) <i>Симаа</i> в терминологии суфиев значит: «слушать мелодию: так что слушатель приходит в движение <...> и так, если кто-либо слушает мелодию, и в нем без собственного произвола (против воли) обнаруживается <i>халет</i>, не из желания удовольствия и не по дурному поведению, это дозволяется <...> [20, с. 104, примеч.]. (Первоисточник: комментарий к «Бустану» в переводе К.-Г. Графа (1850).)

²⁵ Этот же фрагмент лег в основу первой части стихотворения Федорова «Мотив Саади» (см.: Федоров А. Стихи. С. 175).

— Целый мир полон этим веселием, танцем — ужели одни мы не чувствуем его вина? — Хмельной верблюд легче несет свой выюк. Он, при звуках арабской песни, приходит в восторг. Как же назвать человека, не чувствующего этого восторга? — Он осел, сухое полено [7, с. 272]²⁶.	Утренний ветерок тревожит страстью розу, а не сухое полено, которое можно расколоть только ударами топора. Целый мир наполнен этим танцем, упоением и страстью, но что может видеть слепой в зеркале? Не видишь ли, как восторг заставляет плясать верблюда, которого погоняет вожак-араб? Когда уже в голове верблюда рождаются эта страсть и эти восторги, то, если человек не ощущает их в себе, он — осел! [20, с. 104–105] <i>(Первоисточник: «Бустан», глава 3.)</i> Верблюд сбросил с себя нечувствительного к песне меккенского поклонника, заплясал <...> и бежал в пустыню. Знаешь ли, <...> что сказал мне утренний соловей? (Вот что): «Ты сам что за человек, если не ведаешь любви. Верблюд при звуках арабской песни приходит в “халет” (восторг) и в веселье, и если у тебя нет вкуса, то ты одарен природой животного. <...>» [20, с. 105, примеч.]. <i>(Первоисточник: «Гюлистан», глава 2, рассказ 23.)</i>
---	--

Как видно из таблицы, изменения, которые Бунин внес в большую часть заимствованных фрагментов, сводятся преимущественно к сокращению, замене отдельных слов, перестройке композиции, более или менее радикальной трансформации контекста.

²⁶ М.С. Щавлинский в своей диссертации утверждает, что эти три реминисценции «взяты из “Речи о том, что такое симаа (танец) людей сердца (созерцателей)”» [22, с. 117]. Действительно, под таким заглавием в книге И.Н. Холмогорова напечатан отрывок из третьей главы «Бустана» (часть этого отрывка представлена в графе справа), однако в самом «Бустане» раздела под таким заглавием нет.

«Башня Афразиаба»

Среди реминисценций, включенных Буниным в текст «Тени Птицы», особняком стоит безымянное «персидское двустишие», вспоминающееся автору при мысли о далеком прошлом Константинополя:

Паук заткал паутиной царские входы,
И ночная сова кричит на башне Афразиаба... [7, с. 239]

Об этом двустишии Бунин пишет:

Говорят, что, повторяя персидского поэта, сказал эти слова упоенный победой Магомет Второй²⁷, войдя в разграбленное и поруганное жилище Константина вечером 29 мая 1453 года, в час, когда первый муэzzин поднял свой звонкий и печальный вопль над Византией. Но в устах хитрого и свирепого дикаря, украшенного всей премудростью восточной учености и втайне почитавшего даже самого Пророка плутом и разбойником, персидское двустишие звучало, вероятно, совсем не меланхолично [7, с. 239–240].

До недавнего времени происхождение этого двустишия было неясным: в научной, научно-популярной, учебной, публицистической, художественной литературе оно цитируется большей частью тоже анонимно; лишь в отдельных работах называется имя его предполагаемого автора, причем одни исследователи таковым считали самого султана Мехмеда (Магомета) II (см.: [25, p. 102; 24, p. 106; 26, S. 148])²⁸, другие — Фирдоуси²⁹, третьи — Саади [15, с. 195]³⁰.

²⁷ Имеется в виду турецкий султан из династии Османов Мехмед II Фатих (1432–1481), который 29 мая 1453 г. взял приступом Константинополь и вскоре сделал его столицей Османской империи. В русской дореволюционной историографии этого султана обычно называли Магометом Вторым.

²⁸ См. также: *Mignot V.* Histoire de l'Empire Ottoman, depuis son origine jusqu'à la paix de Belgrade en 1740. Paris: Le Clerc, 1771. P. 253.

²⁹ *Gibbon E.* The History of the decline and fall of the Roman Empire: in 7 vols. London: Methuen & Co., 1900. Vol. 7. P. 199; *Finlay G.* History of the Byzantine and Greek Empires, from 716 to 1453: in 2 vols. Edinburgh; London: W. Blackwood and Sons, 1854. Vol. 2. P. 649; *Myers P.V.N.* Outlines of mediaeval and modern history: A textbook for high schools, seminaries, and colleges. Boston: Ginn & Co., 1896. P. 243; *Sepp J.N.* Jerusalem und das heilige Land. Pilgerbuch nach Palästina, Syrien und Aegypten: in 2 Bd. Schaffhausen: Fr. Hurter'sche Buchhandlung, 1863. Bd. 2. S. 487.

³⁰ См. также: *Norwich J.J.* A History of Venice. New York: A.A. Knopf, 1982. P. 325; *Норвич Дж.* История Венецианской республики / пер. с англ. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2009. С. 422. Причем Дж. Норвич о «персидском двустишии» пишет следующее (в его книге оно играет роль эпиграфа к главе 24 «Падение Константинополя»): «Считается, что эти строки персидского поэта посвящены вступлению Мехмета II в Константинополь» (*Норвич Дж.* История Венецианской республики. С. 422). Очевидно, ни исследователь, ни переводчики не усмотрели анахронизма в подобном утверждении, ведь Саади, которому

Но если Мехмеду II авторство двустиишия приписывалось только потому, что он «имел склонность к поэзии» [25, р. 102], то Фирдоуси и Саади указывались в качестве авторов двустиишия, скорее всего, из-за ономы «Афразиаб / Афрасиаб»³¹: это имя носит герой персидской мифологии, царь Турана (исторического региона Центральной Азии) — одно из главных действующих лиц в поэме Фирдоуси «Шах-наме» (975–1010); упоминается царь Афрасиаб и в «Бустане» Саади.

Между тем в действительности, как сказано в статье М. Яхьяпур, Дж. Карими-Мотаххара и Е.Р. Пономарева «Саади и Бунин под тенью Хумая», двустиишие принадлежит совсем другому персидскому поэту — шейху Бахаи (псевд., наст. имя: Баха ад-Дин Мохаммад Бен Хоссейн Амели; 1547–1621) и взято «из его книги “Кяшкуль” (так называется чаша для сбора подаяний, которую носят дервиши и нищие): тетрадь 4, часть 2, раздел 3 — часть 2» [23, с. 173]. Таким образом, как справедливо отмечается в статье, «Магомет Второй не мог повторить эти стихи: они созданы на век позже падения Константинополя. Кроме того, эти стихи не слишком подходят к ситуации взятия города; они, скорее, соответствуют теме запустения византийских дворцов во времена Бунина» [23, с. 173].

«Однако яркость метафоры важнее исторической неточности» [23, с. 173], — пишут далее исследователи, по-видимому, считая виновником «исторической неточности» Бунина, с чем уже невозможно согласиться. Не подлежит сомнению, что писатель не сам придумал легенду о «персидском двустиишии» — он лишь украсил ею свое повествование, действуя при этом в некотором смысле «по инерции», отчасти копируя тот источник, из которого он эту легенду извлек. Вместе с тем совершенно очевидно, что Бунин,

Дж. Норвич приписал авторство двустиишия, умер за два с половиной века до падения Константинополя. В своей книге Дж. Норвич цитирует «персидское двустиишие», вероятно, в собственном переводе: «The spider weaves the curtains in the palace of the Caesars; // The owl calls the watches in the towers of Afrasiab» («Во дворце Цезарей вьет свою паутину паук; в башнях Афрасиаба дозор несет сова») (*Norwich J.J. A History of Venice. P. 325*). В русском издании «Истории Венецианской республики» оно приводится в «переводе И.А. Бунина» — это специально отмечено в сноске (*Норвич Дж. История Венецианской республики. С. 422*), хотя такая формулировка не вполне корректна; правильнее было бы сказать: в интерпретации.

³¹ По-русски она транскрибируется двояко: «Афразиаб» и «Афрасиаб»; в иностранных источниках вариантов ее написания существенно больше: помимо наиболее частотного: «Afrasiab», — есть и такие: «Efrasiyab» [25, p. 102; 24, p. 116], «Efrassijab» [26, S. 148], «Efrasiab» (см.: *Duckett W.A. La Turquie pittoresque: histoire — mœurs — description / préface par T. Gautier. Paris: V. Lecou, 1855. P. 28; Poujoulat B. Histoire de Constantinople, comprenant le Bas-Empire et l'Empire Ottoman: en 2 t. Paris: Amyot, 1853. T. 1. Part 1. P. 446*), «Efrasiab» (см.: *Salaberry Ch.-M. Histoire de l'Empire Ottoman, depuis sa fondation jusqu'à la paix de d'Yassy, en 1792. 2de ed. Paris: Londres: Bossange et Masson, 1817. P. 190, 282*), «Ephrasiab» (см.: *Gautier T. Constantinople. Paris: Michel Lévy Frères, 1873. P. 226*). Чем обусловлена такая вариативность, сказать трудно.

не знавший персидского языка и едва ли знакомый с творчеством Бахаи³², не мог заимствовать интересующее нас двустишие из самой книги «Кяшкуль» — писатель определенно сделал это через некий текст-посредник. Как будет показано далее, именно в тексте-посреднике и содержалась та самая «историческая неточность», на которую указывают авторы статьи «Саади и Бунин под тенью Хумая».

Поскольку двустишие о пауке и сове было сочинено на рубеже XVI–XVII вв., оно, естественно, отсутствует в исторических памятниках XV в., рассказывающих о падении Константинополя, — в том числе в хрониках Михаила Критовула, Дуки, Лаоника Халкокондила, Георгия Франдзи (современные историки называют его также (псевдо-)Сфрандзи), в «Повести о взятии Царьграда» Нестора Искандера³³ (что особенно для нас важно, почти все перечисленные авторы были очевидцами этого события). Соответственно в их произведениях отсутствует и легенда о том, как Мехмед (Магомед) II произнес «персидское двустишие» при виде разрушений в императорском дворце. Очевидно, что она возникла существенно позже. Не исключено, что ее автором был русский историк, философ и государственный деятель, в 1693 и 1710–1711 гг. господарь Молдавии, светлейший князь Дмитрий Константинович Кантемир (1673–1723). Во всяком случае, ряд историков XVIII–XX вв. пересказывает эту легенду со ссылкой именно на Д.К. Кантемира³⁴.

В 1714–1716 гг. Д.К. Кантемир создал на латыни фундаментальный труд «*Historia incrementorum atque decrementorum Aulae Ottomanicae*» («История роста и упадка Оттоманской империи») [14, с. 32], который в 1734–1745 гг. был издан в переводах на английский, французский и немецкий языки³⁵ под заглавием «История Оттоманской империи, с рассмотрением причин ее роста и упадка» [25; 24; 26].

В этой книге среди прочего сообщается, что, совершив намаз в соборе Святой Софии, Мехмед II направился в императорский

³² В отличие от Саади, Хафиза, Фирдоуси, Руми, Омара Хайяма и других средневековых персидских поэтов, Бахаи совсем не был известен в России XIX – начала XX в.

³³ См.: Византийский временник. 1953. Т. VII. С. 385–443; Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / под ред. Я.Н. Любарского, Т.И. Соболя. СПб.: Алетея, 2014. 192 с.; Полн. собр. рус. летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. Т. VIII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 128–144.

³⁴ См.: *Gibbon E. The History of the decline and fall of the Roman Empire*. Vol. 7. P. 199; *Histoire universelle, depuis le commencement du monde jusqu'à present; composée en anglais par une Société de gens de lettres; nouvellement traduite en français par une Société de gens de lettres; enrichie de figures et de cartes. Histoire moderne*. Paris: Moutard, 1783. T. 19 (59). P. 269; *Poujoulat B. Histoire de Constantinople...* T. 1. Part 1. P. 446; *Runciman S. The Fall of Constantinople, 1453*. Cambridge: At the University Press, 1965. P. 149, 226.

³⁵ Немецкий перевод был сделан с английского издания.

дворец и там, «обладая склонностью к поэзии, экспромтом произнес двустишие на *персидском* языке» [25, p. 102; 24, p. 106; 26, S. 148]³⁶.

Само двустишие во всех трех изданиях книги Д.К. Кантемира приводится в примечаниях — сначала на фарси, в латинской транслитерации: «*Perdè dari mikuined ber kysr Caisar ankebut Bumi neubèt mizèned ber kiumbeti Efrasiyab*», — затем в переводе на соответствующие языки: «The Spider has wove her Web in the Imperial Palace, the Owl has sung her watch Song upon the Towers of *Efrasiyab*» [25, p. 102]³⁷; «...l'araignée a filé sa toile dans le Palais Impérial; la chouette a entonné son chant nocturne sur les tours d'*Efrasiyab*» [24, p. 116]³⁸; «Die Spinne spinnet ihr Gewebe in dem kaiserlichen Palaste; die Eule singet ihren Wächtergesang auf den Thürmen Efrassijab» [26, S. 148]³⁹.

Во всех трех изданиях «Истории Оттоманской империи» двустишие сопровождается авторским пояснением (в целях экономии места цитируем его только в нашем переводе, по лондонскому изданию):

Этот оракул как будто намекает на утрату гордого величия *греческих* императоров. Ибо, как мы знаем, пауки оплетают своими паутинами разрушенные и брошенные дома; точно так же *греческая* империя, разгромленная и отобранная у ее прежних властелинов, видимо, стала походить на дворцы *Афрасиаба*, в коих вместо стражников несут дозор и столь зловеще кричат совы. Так или иначе, предсказание в точности сбылось! Ибо в наши дни, как я уже сказал, дворец *греческих* императоров стал убежищем для сов и летучих мышей — красноречивым символом погибшей империи» [25, p. 102].

В интерпретации Д.К. Кантемира Афрасиаб — это «дворец *персидских* царей, известный благодаря *турецким* басням» [25, p. 102]. Однако, скорее всего, Бахаи в своем двустишии имел в виду город Афрасиаб, который возник в VII в. до н. э. на месте современного Самарканда и был назван, по одной из версий, в честь туранского царя. Со временем Афрасиаб превратился в один из центров ахеменидской

³⁶ Здесь и далее курсив Д.К. Кантемира. Слова исследователя аббат В. Миньо интерпретировал следующим образом: «On dit qu'en y entrant il fit un distique improvisé qui célébrait sa Victoire» («Говорят, что войдя туда, он сочинил экспромтом двустишие, которое прославляло его победу») (*Mignot V. Histoire de l'Empire Ottoman... P. 253*).

³⁷ «Паук сплел паутину в императорском дворце, сова запела сторожевую песню на башнях *Афрасиаба*» (англ.).

³⁸ Перевод: «...паук сплел паутину в императорском дворце; сова запела ночную песню на башнях *Афрасиаба*» (франц.).

³⁹ Перевод: «Паук плетет паутину в императорском дворце; сова поет сторожевую песню на башнях *Афрасиаба*» (нем.).

сатрапии; к началу I в. н. э. город пришел в запустение и пережил новый расцвет в конце V – начале XIII в.; во время монгольского нашествия жители (с VIII в. преимущественно арабы) покинули Афрасиаб⁴⁰. Вместе с тем в отдельных переводах «персидского двустушия» под Афрасиабом определенно подразумевается царь Турана⁴¹.

В XVIII–XX вв. двустушие о пауке и сове то и дело воспроизводилось в разного рода сочинениях, посвященных истории Турции, Византии или конкретно Константинополю⁴²: очевидно, их авторы — историки и писатели — не сомневались в достоверности эпизода с участием «склонного к поэзии» Мехмеда II.

При этом в каждом из таких сочинений «персидское двустушие» приобретало все новый и новый вид. Только во «Всеобщей истории» текст двустушия идентичен (за исключением топонима «Афрасиаб»: «Afrasiab» вместо «Efrasiyab») французскому варианту в парижском издании «Истории Оттоманской империи» Д.К. Кантемира⁴³; авторы остальных книг словно соревновались друг с другом в стремлении уйти как можно дальше от исходных вариантов текста на английском, французском и немецком языках. Причем одни пытались заново перевести латинизированный оригинал двустушия на фарси (который был введен в научный оборот Д.К. Кантемиром), имея целью точнее

⁴⁰ Мкртычев Т.К. Афрасиаб // Большая рос. энциклопедия: в 30 т. М.: Большая рос. энциклопедия, 2005. Т. 2. С. 527.

⁴¹ См., например, в книге турецкого историка-дилетанта Дж. Эссада «Константинополь. От Византии до Стамбула», написанной не позднее 1907 г. и, по-видимому, впервые изданной (на французском языке) в Париже в 1909 г.: «Сова поет *невбет* <барабанный бой, отбиваемый ежедневно в знак торжества независимости> на могиле Афрасиаба, и паук несет службу *пердедара* <т. е. раздвигающего занавесы у дверей, чтоб впустить посетителя> в императорском дворце» (Эссад Дж. Константинополь. От Византии до Стамбула / пер. П. Безобразова; предисл. Ш. Дили. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 57). В цитате в угловых скобках приведены примечания автора в переводе П.В. Безобразова.

⁴² Среди них — научные и научно-популярные труды: «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788) Э. Гиббона, «Всеобщая история» (1783), «Современное состояние Турции, или Описание политического, гражданского и религиозного устройства и законов Османской империи» (1807) Т. Торнтона, «История Оттоманской империи, со времени основания до Ясского мирного договора 1792 г.» (1817) Ш.-М. Салаберри, «История Османской империи» (1827–1829) Й. фон Хаммера-Пургшталля, «История Константинополя» (1853) Б. Пужула, «История Византийской и греческой империй, с 716 по 1453 г.» (1854) Дж. Финлея, «История Турции» (1855) А. де Ламартина, «Живописная Турция: история — обычаи — описание» (1855) В.-А. Дюкетта, «История Турции» (1859) Т. Лавалле, «История Османской империи и взгляд на современную Турцию» (1860) Л.-Ш. Колла (в России эта книга была издана в 1882 г. под заглавием «История Турции»), «История умственного развития Европы» (1862) Дж.В. Дрейпера, «Иерусалим и Святая Земля» (1863) И.-Н. Зепта, «Завоевание Константинополя (Царьграда) Магомедом Вторым» (1889, 1899); учебное пособие П.-В.-Н. Майерса «Основы средневековой и современной истории» (1896); книга путевых очерков Т. Готье «Константинополь» (1853); роман Л. Уоллеса «Принц Индии, или Почему пал Константинополь» (1893); и др.

⁴³ См.: *Histoire universelle...* Т. 19 (59). P. 269.

передать значение каждого слова⁴⁴; другие ограничивались тем, что переводили двустиишие с того или иного иностранного языка на свой собственный (т. е., по сути, делали перевод перевода). Кроме того, издавались разноязычные переводы одних и тех же произведений. Как следствие, в переводных вариантах двустиишия Бахаи с изменением лексики менялись и смысловые оттенки.

В ходе нашего исследования было выявлено в общей сложности 33 таких варианта: 12 на французском, по девять на английском и русском, три на немецком языках. Ни один из этих вариантов не эквивалентен бунинскому варианту «персидского двустиишия». Тем не менее мы считаем, что источником соответствующей реминисценции в «Тени Птицы» является научно-популярная книжка «Завоевание Константинополя (Царьграда) Магометом Вторым» [12; 13], представляющая собой извлечение из «Истории упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона. Скорее всего, Бунин пользовался ее вторым, исправленным изданием, вышедшим в 1899 г.⁴⁵

Книжка содержит сразу два варианта перевода «персидского двустиишия» — один в основном тексте: «Паук свил свою паутину в царском дворце, и филин прокричал свои ночные песни на башнях Афразиаба»; другой, принадлежащий, по словам переводчика «М. М-ва», Дж. Финлею, в примечании: «Сплетенная пауком завеса висит пред главным входом во дворец Цезарей; сова стоит на часах на сторожевой башне Афразиаба» [13, с. 48]⁴⁶. Предположительно Бунин создал свою версию двустиишия на основе обоих вариантов,

⁴⁴ Например, Т. Торнтон об одном из английских переводов двустиишия писал: «Сэр Уильям Джонс перевел эти строки до того, как познакомился с обычаями восточных дворов, иначе он придал бы своему переводу выразительный и меланхоличный оттенок оригинала. *Perd * — это занавес, который раздвигают перед троном или у входа в парадный зал, и который отдергивают пажы, когда на аудиенцию допускают посторонних; но здесь должность камергера отведена пауку. *Neubet*, военная музыка, которая с башен императорской резиденции возвещает о вечернем отбое, заменена криком совы» (*Thornton T. The present state of Turkey, or A Description of the political, civil, and religious constitution, and laws, of the Ottoman Empire. London: J. Mawman, 1807. P. 10*). А Й. фон Хаммер-Пургшталь и И.-Н. Зепп свои варианты перевода еще и зарифмовали (см.: *Hammer J. Geschichte des osmanischen Reiches: in 5 Bd. / grossentheils aus bisher unbenutzten Handschriften und Archiven. Pest: C.A. Hartleben, 1827. Bd. 1: Von der Gr ndung des osmanischen Reiches bis zur Eroberung Constantinopels. 1300–1453. S. 679; Sepp J.N. Jerusalem und das heilige Land... Bd. 2. S. 487*). Правда, при этом у Й. фон Хаммера-Пургшталь двустиишие превратилось в четверстишие.

⁴⁵ Перевод для этой книжки, существенно отличающийся от классического перевода В.Н. Неведомского (см.: *Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 ч. / пер. с англ. В.Н. Неведомского. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова; тип. В.Ф. Рихтер, 1886. Ч. 7. [2], XII, 511, СХХI, [2] с.*), был выполнен неким «М. М-вым». Установить его личность по «Словарю псевдонимов» И.Ф. Масанова (М., 1956–1960) не удалось.

⁴⁶ Ср.: «The spider's curtain hangs before the portal of C sar's palace; the owl is the sentinel on watchtower of Afrasiab» («Сотканный пауком занавес висит перед входом во дворец Цезаря; сова — как часовой на сторожевой башне Афрасиаба») (*Finlay G. History of the Byzantine and Greek Empires... Vol. 2. P. 649*).

посредством монтажа — об этом свидетельствует лексический состав реминисценции в «Тени Птицы».

Вероятно, из «Завоевания Константинополя» Бунин почерпнул и сведения о Мехмеде (Магомете) II, который в этой книжке охарактеризован следующим образом:

<...> говорят даже, что в минуты вольнодумной откровенности он осмеливался называть пророка Мекки разбойником и обманщиком. <...> уверяют, что он говорил или, по меньшей мере, понимал на пяти языках: на арабском, персидском, халдейском или еврейском, латинском и греческом. <...> История и география ему были известны; соревнование его возгоралось при чтении жизнеописаний героев Востока, а может быть, даже и Запада; но знания его в астрологии можно извинить невежеством века и тем еще, что эти познания предполагают некоторые сведения из математики; пустое пристрастие его к изящным искусствам обнаруживается из того, что он приглашал и щедро награждал итальянских художников. Но религии и науке не удалось укротить эту дику и необузданную натуру. <...> Несомненно, что во дворце, так же как и на войне, самые легкие поводы побуждали его к пролитию потоков крови и что вообще человек он был грубый и порочно-чувственный [13, с. 9–10]⁴⁷.

Заключение

В 1909–1936 гг., готовя «Тень Птицы» к новым изданиям — в составе авторских сборников и собраний сочинений, — Бунин каждый раз вносил в ее текст более или менее существенную правку (см.: [1; 2; 21; 22, с. 35–50]), которая в доэмигрантский период не распространялась на «персидские» реминисценции, за исключением фразы о «чекане души» и «красоте мира», напечатанной в Полном собрании сочинений 1915 г. курсивом [9, с. 102]. Однако в 1930-х гг., когда писатель значительно переработал все очерки книги «Храм Солнца» / «Тень Птицы», его перо прошлошь и по «персидским» реминисценциям.

Так, создавая новую, эмигрантскую, редакцию очерка «Тень Птицы», первый вариант которой увидел свет в одноименном сборнике (1931), Бунин наполовину сократил выписку из «Тезкирата Саади» о «ковре богопочитания», удалив из нее фразу о «цене» одного бейта Саади; сократил и фрагмент с изложением основных понятий дервишеской философии, вычеркнув пассаж о «рубище»,

⁴⁷ Ср.: *Gibbon E. The History of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. 7. P. 159–161.*

«вихре миров» и «экстазе отрешения»; исключил фразу о «мече красноречия»; фразу о «чекане души» распорядился набрать разрядкой; в сентенции о раковине и жемчужине восклицательный знак заменил точкой; в сентенции о ветре и «цветнике сердца» устранил ритмико-стилистический повтор: «— как ветер,» [8, с. 9, 28, 47].

В окончательный вариант второй редакции очерка, опубликованный в первом томе «петрополисовского» Собрания сочинений (1936), Бунин внес еще ряд аналогичных поправок: на этот раз он уже полностью удалил фразу о «ковре богопочитания»; из фразы о «фениксе чистого духа» исключил слова: «в богоспасаемом городе Ширазе»; в сентенции о преимуществах «ходьбы босиком» переставил слова в словосочетании «в узкой обуви»: «в обуви узкой»; в сентенции о «новой весне» и «новой любви» вычеркнул местоимение «какую-нибудь»; в сентенции о «башне Маана» после слова «халет» вместо тире поставил запятую; радикальнее всего писатель изменил фразу о «чекане души»: снял в ней шрифтовое выделение, конструкции «оставить по себе чекан души своей» и «обозреть красоту мира» поменял местами, в словосочетании «красоту мира» начальные буквы сделал заглавными: «Красоту Мира» [10, с. 173–174, 200].

По сравнению с тем, как в эмиграции изменился *авторский* текст «Тени Птицы», отмеченную правку вполне можно назвать «косметической». На наш взгляд, ее характер лишь подтверждает нашу мысль, что в бунинском очерке реминисценции из произведений Саади, Девлет-шаха и Бахаи играют весьма важную роль — и с содержательной, и с композиционной точек зрения.

Литература

1. Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Книга очерков И.А. Бунина «Храм Солнца»: История текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 83. С. 218–253. DOI: 10.17223/19986645/82/10
2. Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла бунинскую концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 315–350. DOI: 10.17223/24099554/20/16
3. Бакунцев А.В. Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярной И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 168–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193>
4. Бакунцев А.В. Явный и мнимый «след» Саади в поэзии И.А. Бунина (источниковедческий аспект) // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 4. С. 244–271. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-244-271>
5. Бунин Ив. Золотое дно: Рассказы 1903–1907 гг. 2-е изд. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914. 212 с.

6. Бунин Ив. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Т-во «Знание», 1909. Т. 5. 234 с.
7. Бунин Ив. Тень Птицы // Земля. М.: Моск. книгоизд-во, 1908. Сб. 1. С. 229–272.
8. Бунин Ив. Тень Птицы. Париж: Совр. записки, 1931. 207 с.
9. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1915. Т. 4. 222 с.
10. Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. 310 с.
11. Бунин И.А. Храм Солнца. Пг.: Жизнь и знание, 1917. 174, 8 с.
12. [Гиббон Э.] Завоевание Константинополя (Царьграда) Магометом Вторым. М.: Изд. «Народной библиотеки» В.Н. Маракуева, 1889. 99 с.
13. [Гиббон Э.] Завоевание Константинополя (Царьграда) Магометом Вторым / пер. М. М–ва. 2-е изд., испр. СПб.: Кн. склад В.И. Губинского, 1899. 56 с.
14. Густерин П.В. Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М.: Вост. кн., 2008. 112 с.
15. Двинятина Т.М. Поэзия и проза в книге И.А. Бунина «Храм Солнца» // Русская литература. 2022. № 4. С. 185–197. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-185-197
16. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 944 с.
17. Пономарев Е.Р. Книга очерков «Храм Солнца»: проблема заглавия и основного текста // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 881–889. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-881-889>
18. Романова К.С. Рецепция культурных и религиозных реалий Востока в путевых очерках Теофиля Готье «Константинополь» и И.А. Бунина «Тень Птицы» // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 3. С. 99–102.
19. Сафиулина Р.М. Раннее творчество И.А. Бунина и Коран Альбера де Биберштейн-Казимирского // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология): сб. ст. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 163–171.
20. Холмогоров И. Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Казань: Университетская тип., 1867. 147, 4 с.
21. Щавлинский М.С. Исчезновение национального и колониального дискурсов: текстология очерка «Тень Птицы» И.А. Бунина // Летняя школа по русской литературе. 2023. Т. 18, № 3–4. С. 355–375.
22. Щавлинский М.С. Книга И.А. Бунина «Храм Солнца»: текстология, литературный контекст, рецепция: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 314 с.
23. Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж., Пономарев Е.Р. Саади и Бунин под тенью Хумая // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 158–180. DOI: 10.25205/2307-1753-2024-1-158-180
24. Cantemir D. Histoire de l'Empire Othoman, où se voyent les causes de son aggrandissement et de sa decadence: en 2 t. / traduit en français par M. de Jonquières. Paris: L.-E. Ganeau, 1743. Т. 1. [8], XLVIII, 390 p.
25. Cantemir D. The History of the Growth and Decay of the Othman Empire: in 2 parts / trans. into English, from the Author's own Manuscript, by N. Tindal. London: J., J. and P. Knapton, 1734. XVI, 4, [2], 460 p.
26. Geschichte des osmanischen Reichs nach seinem Anwachs und Abnehmen, beschrieben von Demetrie Kantemir, ehemaligem Fürsten in Moldau. Nebst den

Bildern der türkischen Kaiser, die ursprünglich von den Gemälden in dem Seraj durch des Sultans Hofmaler sind abgenommen worden. Aus dem Englischen übersetzt. Hamburg: C. Herold, 1745. [2], 64, 852, [2] S.

Research Article

Persian “Trace” in Ivan Bunin’s Prose: *The Shadow of the Bird* (Source Studies Aspect)

© 2025. Anton V. Bakuntsev

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The author cordially thanks the staff of Russian State Library, M.I. Rudomino Russian Library of Foreign Literature, State Public Historical Library of Russia, as well as S.N. Morozov (IWL RAS) for their assistance.

Abstract: The article examines the problem of the Persian “trace” in Ivan Bunin’s prose from the point of view of source studies using the example of the travel essay *Shadow of the Bird* (1907). The “Persian trace” refers to reminiscences from the works of the Persian poets Saadi and Bahai and the historian of Persian literature Deulet-Shah (the latter dedicated a chapter to Saadi in his treatise *Tezkirat oshshoara — The Biography of Poets*, 1487). The main conclusions: 1) the direct source of reminiscences from the works of Saadi and Deulet-Shah in *The Shadow of the Bird* is the monograph by the Russian orientalist Ivan Kholmogorov *Sheikh Moslihuiddin Saadi of Shiraz and his Significance in the History of Persian Literature* (Kazan, 1867); 2) the “Persian distich,” which is given in Bunin’s essay without specifying the author — as a remark by the Turkish Sultan Mehmed II at the sight of the destroyed imperial palace in captured Constantinople (1453) — and which actually belongs to the Bahai, most likely, it was borrowed from the book *The Conquest of Constantinople by Mohammed Second* (St. Petersburg, 1899), which is an extract from Edward Gibbon’s work *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire* (1776–1788); 3) the legend associated with this distich and also given in *The Shadow of the Bird* goes back presumably to Dimitri Cantemir’s *The History of the Growth and Decay of the Othman Empire* (1716).

Keywords: Ivan Bunin, Saadi, Deulet-Shah, Bahai, Ivan Kholmogorov, prose, *The Shadow of the Bird*, “reading circle,” source studies.

Information about the author: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

For citation: Bakuntsev, A.V. “Persian ‘Trace’ in Ivan Bunin’s Prose: *The Shadow of the Bird* (Source Studies Aspect).” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (37), 2025, pp. 234–259. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-37-234-259>

References

1. Anisimov, K.V., and E.R. Ponomarev. "Kniga ocherkov I.A. Bunina 'Khram Solntsa': Istoriia teksta" ["I.A. Bunin's Book of Travel Sketches 'The Temple of the Sun': A History of the Text"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 83, 2023, pp. 218–253. DOI: 10.17223/19986645/82/10 (In Russ.)
2. Anisimov K.V., and E.R. Ponomarev. "Tekstologiya i imagologiya. Kak melkaia pravka traveloga 'Khram Solntsa' meniala buninskiu kontseptsiiu Blizhnego Vostoka: ot opisaniia k predstavleniiu" ["Textual Criticism and Imagology. How Small Corrections of 'The Temple of the Sun' Changed Bunin's View of the Middle East: From Description to Representation"]. *Imagologiya i komparativistika*, no. 20, 2023, pp. 315–350. DOI: 10.17223/24099554/20/16 (In Russ.)
3. Bakuntsev, A.V. "Reministsentsii iz proizvedenii Saadi v publitsistike i epistoliarii I.A. Bunina: istochnikovedcheskii aspekt problemy" ["The Reminiscences from Saadi's Works in the Publicism and Epistolary of Ivan Bunin: The Source Studies Aspect of the Problem"]. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 168–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193> (In Russ.)
4. Bakuntsev, A.V. "Iavnyi i mnimyi 'sled' Saadi v poezii I.A. Bunina (istochnikovedcheskii aspekt)" ["The Obvious and Illusory 'Trace' of Saadi in Ivan Bunin's Poetry (Source Studies Aspect)"]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 224–271. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-244-271> (In Russ.)
5. Bunin, I. *Zolotoe dno: Rasskazy 1903–1907 gg.* [*The Golden Bottom: Stories 1903–1907*]. 2nd ed. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve Publ., 1914. 212 p. (In Russ.)
6. Bunin, I. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Collected Works: in 6 vols.*], vol. 5. St. Petersburg, Comradeship "Znanie" Publ., 1909. 234 p. (In Russ.)
7. Bunin, I. "Ten' Ptitsy" ["Shadow of a Bird"]. *Zemlia*, coll. 1. Moscow, Moscow Book Publ., 1908, pp. 229–272. (In Russ.)
8. Bunin, I. *Ten' Ptitsy* [*The Shadow of a Bird*]. Paris, Sovremennye zapiski Publ., 1931. 207 p. (In Russ.)
9. Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 t.* [*Complete Works: in 6 vols.*], vol. 4. Petrograd, Comradeship A.F. Marx Publ., 1915. 222 p. (In Russ.)
10. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii: v 11 t.* [*Collected Works: in 11 vols.*], vol. 1. Berlin, Petropolis Publ., 1936. 310 p. (In Russ.)
11. Bunin, I.A. *Khram Solntsa* [*The Temple of the Sun*]. Petrograd, Zhizn' i znanie Publ., 1917. 174, 8 p. (In Russ.)
12. [Gibbon, E.] *Zavoevanie Konstantinopolia (Tsar'grada) Magometom Vtorem* [*The conquest of Constantinople by Mohammed Second*]. Moscow, V.N. Marakuev's "Narodnaia biblioteka" Publ., 1889. 99 p. (In Russ.)
13. [Gibbon, E.] *Zavoevanie Konstantinopolia (Tsar'grada) Magometom Vtorem* [*The conquest of Constantinople by Mohammed Second*], trans. by M. M.–v. 2nd ed., corr. St. Petersburg, V.I. Gubinsky Book Warehouse Publ., 1899. 56 p. (In Russ.)
14. Gusterin, P.V. *Pervyi rossiiskii vostokoved Dmitrii Kantemir* [*The First Russian Orientalist Dimitri Cantemir*]. Moscow, Vostochnaia kniga Publ., 2008. 112 p. (In Russ.)
15. Dviniatina, T.M. "Poeziia i proza v knige I.A. Bunina 'Khram Solntsa'." ["Poetry and Prose in I.A. Bunin's Book 'The Temple of the Sun'."] *Russkaia literatura*, no. 4, 2022, pp. 185–197. DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-185-197 (In Russ.)

16. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*Chronicle of I.A. Bunin's Life and Work*], vol. 1: 1870–1909 [1870–1909], comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)

17. Ponomarev, E.R. “Kniga ocherkov ‘Khram Solntsa’: problema zaglaviia i osnovnogo teksta” [“The Book of Travel Sketches ‘The Temple of the Sun’: The Problem of the Title and the Main Text”]. Dviniatina, T.M., S.N. Morozov, A.V. Bakuntsev, and E.R. Ponomarev, editors. *I.A. Bunin i ego vremia: konteksty sud'by — istoriia tvorchestva* [*I.A. Bunin and His Time: Context of Life — History of Work*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 881–889. <https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-881-889> (In Russ.)

18. Romanova, K.S. “Retseptsiiia kul'turnykh i religioznykh realii Vostoka v putevykh ocherkakh Teofila Got'e ‘Konstantinopol’ i I.A. Bunina ‘Ten’ Ptitsy’.” [“The Reception of Cultural and Religious Realities of the East in the Travel Essays ‘Constantinople’ by Théophile Gautier and ‘The Shadow of a Bird’ by I.A. Bunin”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 23, no. 3, 2017, pp. 99–102. (In Russ.)

19. Safiulina, R.M. “Ranee tvorchestvo I.A. Bunina i Koran Al'bera de Bibershtein-Kazimirskogo” [“Early Work of I.A. Bunin and the Koran of Albert de Biberstein-Kazimirsky”]. Korostelev, O.A., and S.N. Morozov, editors. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiya): sbornik statei* [Creativity of I.A. Bunin in the Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Criticism): Collection of Articles]. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 163–171. (In Russ.)

20. Kholmogorov, I. *Sheikh Moslikhuddin Saadi Shirazskii i ego znachenie v istorii persidskoi literatury* [Sheikh Moslihuiddin Saadi of Shiraz and Its Significance in the History of Persian Literature]. Kazan, University Printing House, 1867. 147, 4 p. (In Russ.)

21. Shchavilinsky, M.S. “Ischeznovenie natsional'nogo i kolonial'nogo diskursov: tekstologiya ocherka ‘Ten’ Ptitsy’ I.A. Bunina” [“The Disappearance of National and Colonial Discourses: the Textual Criticism of I.A. Bunin's Travel Sketch ‘The Shadow of a Bird’.”] *Letniiaia shkola po russkoi literature*, vol. 18, no. 3–4, 2023, pp. 355–375. (In Russ.)

22. Shchavilinsky, M.S. *Kniga I.A. Bunina «Khram Solntsa»: tekstologiya, literaturnyi kontekst, retseptsiiia* [I.A. Bunin's Book “The Temple of the Sun”: Textual Criticism, Literary Context, Reception: PhD Dissertation]. Moscow, 2024. 314 p. (In Russ.)

23. Iakh'iapur, M., Dzh. Karimi-Motakhkhar, and E.R. Ponomarev. “Saadi i Bunin pod ten'iu Khumaia” [“Saadi and Bunin Under the Shadow of Humai”]. *Kritika i semiotika*, no. 1, 2024, pp. 158–180. DOI: 10.25205/2307-1753-2024-1-158-180 (In Russ.)

24. Cantemir, Dimitrie. *Histoire de l'Empire Othoman, où se voyent les causes de son aggrandissement et de sa decadence: en 2 t.*, t. 1, traduit en français par M. de Joncquières. Paris, L.-E. Ganeau Publ., 1743. [8], XLVIII, 390 p. (In French)

25. Cantemir, Dimitrie. *The History of the Growth and Decay of the Othman Empire: in 2 parts*, trans. into English, from the Author's own Manuscript, by N. Tindal. London, J., J. and P. Knapton Publ., 1734. XVI, 4, [2], 460 p. (In English)

26. *Geschichte des osmanischen Reichs nach seinem Anwachs und Abnehmen*, beschrieben von Demetrie Kantemir, ehemaligem Fürsten in Moldau. Nebst den Bildern der türkischen Kaiser, die ursprünglich von den Gemälden in dem Seraj durch des Sultans Hofmaler sind abgenommen worden. Aus dem Englischen übersetzt. Hamburg, C. Herold Publ., 1745. [2], 64, 852, [2] S. (In German)